

СРПСКА АКАДЕМИЈА НАУКА

ИНСТИТУТ ЗА СРПСКИ ЈЕЗИК

ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ

ПОВРЕМЕНИ СПИС ЗА СЛОВЕНСКУ ФИЛОЛОГИЈУ

Уређује
А. БЕЛИЋ

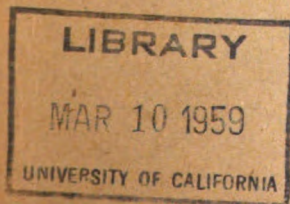
уз сарадњу

д-ра *Алексића Радомира* (Београд), д-ра *Вуковића Јована* (Сарајево), *Конеског Блажа*
(Скопље), *д-ра Нахиџгала Рајка* (Љубљана), д-ра *Павловића Миливоја* (Нови Сад),
д-ра *Стевановића Михаила* (Београд), д-ра *Томановића Васа* (Скопље),
д-ра *Храстие Маја* (Загреб)

XXII КЊ. 1—4 ^{16.}

JUŽNOSLOVENSKI FILOLOG

БЕОГРАД
1957—1958

ПРИРОДА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ

1. Под этим названием подразумеваются уменьшительные, увеличительные и другие подобные существительные, о которых я, между прочим, писал в Archiv-е Ягича (XXIII 134—206, XXVI 321—357). В этих исследованиях я не поставил вопроса о происхождении существительных этого рода по существу, а говорил только о происхождении и развитии их суффиксов.¹ Здесь я попытаюсь ответить и на вопрос об их происхождении.

Уже давно замечено,² что эти существительные иного рода в сравнении с другими производными существительными. Первые представляют производные существительные от существительных (ср. *шарчић*: *шарац*), причем значение существительных остается и в производном слове неизменным, только с окраской индивидуальной оценки, тогда как все остальные производные существительные образуются от прилагательных, глаголов и реже всего от существительных, имеющих в этом употреблении значение прилагательных (ср. *белац*, *држава*, *укућани*: *бео*, *држаши*, *кућа*). Как видно из указанного примера (*укућани*), основа *кућ-* или общая часть существительного *кућа* имеет тут значение прилагательного, *кућни људи* по-сербски, „домашние“. Так всегда. Это показывает, что основа *кућ-* как и всякая другая основа или корень понимается здесь как существительное, определяющее другое существительное (в данном случае „люди“, „челядь“, „участники“ или под., что содержится в полном значении *укућани*, ст. б. „те, что в доме“).

Разница между этими двумя типами существительных будет еще яснее, если обратить внимание на их состав: у первых всегда первая часть существительное, сохраняющее, как сказано, свое

¹ Ср. об этом в моей книге О језичкој природи и језичком развјетку 289—290.

² А.А. Шахматов, Синтаксис русского языка 452—454.

значение существительного и в производном слове, а у других эта часть всегда определительного, детерминативного характера, ср. в первом случае *сШарчић*: „старик маленький“, а в другом *белац*: „белая лошадь“, „белый человек“ и под., *држава*: первоначально „то, что держится кем нибудь“ (правителем, частным лицом и под.), *укућани*: „домашние люди“ и под. У существительных индивидуальной оценки, говоря принципиально, имеются в первой части слов — существительные, получающие от суффиксов свое специфическое значение, а у остальных производных существительных первая часть детерминативного характера, а при помощи окончаний она оформляется получая предметное значение в связи с первой частью (структуральное значение).

2. Нет никакого сомнения, что эта принципиальная разница между одними и другими существительными находится в связи с их происхождением. Они в этом отношении различны.

Если рассмотреть значения окончаний у существительных индивидуальной оценки, то бросается в глаза неестественность их употребления: ведь для различных нюансов положительных и отрицательных значений имеются обыкновенно прилагательные (маленький, большой, неприятный, некрасивый и т. д.), которые должны были бы придать нужное значение существительному; вместо этого мы видим что-то совсем другое: приоавляется окончание, которое, хотя и обозначает сабою атрибутивную службу, не ставится перед существительным а всегда за ним, нарушая этим твердо установленный порядок прилагательных перед существительными. Значит, трудно предположить, чтобы эти окончания были по происхождению прилагательные. Если мы сравним с этими остальные производные существительные, то увидим, что у них всегда сохраняется естественный порядок: детерминативное слово plus окончание, обозначающее существительное (обыкновенно предметное), напр. *бѣлац*: „бѣлй кѣнь“ „чѣвек“ и под. Тут, как верно заметил Розвадовский, имеются всегда две части: определительная и определяемая.

3. Совершенно другую картину представляют прилагательные. В природе прилагательных, обозначающих, главным образом, качество, заложена и возможность иметь меньшую или большую степень данного качества, показывать или положительную или отрицательную их сторону. Ведь на этом основании создана и компарация прилагательных, показывающая высшую или самую высокую степень известного качества. Так и здесь различными окончаниями модифицируется качество прилагательных в ту или

другую сторону, показывая самые различные нюансы. Таких нюансов много. В выше указанной моей работе дана табличка подобных значений, встречающихся обыкновенно у прилагательных. Из таблички, напечатанной в Archiv-е Ягича XXVI 332, видно, что все модификации прилагательных возможно было бы сгруппировать в три группы самых общих значений: „verstärkend“ — „усиливающее“, „verengernd“ — „суживающее“ и „leicht modifizierend“ — „легко модифицирующее“. При рассмотрении подобных изменений этих значений у существительных мне пришлось (op. cit. XXIII 145) сгруппировать их также в три группы:

1. a. deteriorierende, b. deteriorierend-amplificierende, c. amplificierende
2. a. deteriorierende, b. deteriorierend-deminuierende, c. deminuierende
3. a. steigende { b. deminuierende
c. amplificierende

Если сопоставить с ними значения у прилагательных, то ясно, что они тождественны и что значения существительных представляют значения прилагательных, приуроченных к существительным, ибо „verstärkend“ можно передать у существительных как „amplificierend“ „verengernd“ как „deminuierend“, а „leicht modifizierend“ — „steigend“, т. е. как сусиливающим значением, с тем и другим оттенком значения. Это станет еще более ясным, если прибавить, что по звуковому составу окончания прилагательных в той же звуковой форме являются нередко и у существительных. Но это не всегда так. Есть существительные, имеющие окончания, исключительно принадлежащие существительным, напр. *-я, -ич, -ина, -ище (-иско, -ьско), -ага (-яга), -ей, -ура* (и производные) и др. С другой стороны, имеют иногда и окончания прилагательных подобного рода (напр. *-авый* в русск., польск., чешск. и словенск. языках, *-асый* в белорусск., чешск.), т. е. не встречающиеся у существительных (Arch. XXVI 356—7). Это заставляет нас рассмотреть образования этого типа и установить, насколько положение, что естественным источником окончаний существительных индивидуальной оценки являются или прилагательные или такие существительные, у которых получалось эмоциональное значение на основании отношения первой части к окончанию (у существительных с первой частью из области прилагательных или глаголов). Окончания одного или другого типа переносятся на существительные, модифицируя их значение только в направлении эмоциональности или субъективной оценки.

4. Почему мы считаем, что перенос окончаний с прилагательных на существительные является естественным, чего в данном случае, относительно переноса окончаний существительных на прилагательные, сказать невозможно или можно только в редких случаях? Просто потому, что в теперешнем периоде развития славянских языков прилагательные самостоятельно употребленные имеют значение существительных, напр.: *миленькая, скажи, что это значит*. Тут эта определенная форма прилагательного имеет значение существительного и как таковая может влиять на другие существительные, создавая *душенька, рученька, сестренька* и под. (Арх. XXIII 169). И, наоборот, образования исключительно существительных как *рапіе* (польск.), *гуьче* (сх.) и под. невозможно употребить как прилагательные, ибо в них прилагательное уже содержится.

Впрочем, возможность субстантивизаций прилагательных общее положение нашей науки, точно также как и перенос окончаний с одних существительных на другие (ср. Арх. XXIII 144 и д.).

Возьмем теперь фактическое соотношение этих двух групп слов. Я уже указал, что образования, ограниченные на существительные, главным образом, следующих типов:

а) На *-*ę* с соответствующими звуками отдельных языков. Относительно этого -*ę* ясно, что оно означает ребенка или молодое животное (ср. *дитя*, сх. *јдгње* и под.) и перенесено на существительные, обозначающие лица и предметы: польск. *рапіе* молодая девушка, *гуьче* сх. маленький „гуь“ и под.

б) Относительно окончания *-ина*, употребляющегося в русск. польск. чешск. яз., а также в сложных окончаниях и в других славянских языках, тоже ясно, что его следует поставить в связь с окончанием *-ина* у отвлеченных существительных (Арх. XXXIII 197). Что в чешском языке имеется нередко и окончание прилагательных *-илку*, не трудно объяснить как следствие очень частого употребления *-илка* у существительных и параллельного употребления *-илку*. Таким образом употребление этого окончания у прилагательных по аналогии.

в) Окончания типа на *-агг* (*-уга, -ыга*) также не находятся у прилагательных. Я их объяснял влиянием отглагольных существительных типа русск. *блудяга, бродяга, шевелюга, хватюга, похваляга, промотыга* и под. (Арх. XXIII 202—3).

г) Окончание *-ишче* (*-иште*) находится, правда, в связи с окончанием прилагательных на *-ьскъ*, но оно, по моему мнению

(в. Arch. XXIII 179—180), получено окончательно через посредничество глаголов.

д) Окончание *-ич* (*-itjos) уже в эпоху балтийско-славянскую, происходя от прилагательного, стало употребляться в значении *сын*, ср. в. лит. *-ýtis* (masc. jо- осн.) и *-ýté* (fem.), особенно для маленьких, молодых животных, нпр. *szunýtis catulus: szû, vilkýtis catulus lupi* (A. Leskien, Die Bildung der Nomina im Litauischen, 1891, 572—3).

е) Окончание *-ура* (*-ара*) неясно по происхождению. Оно особенно часто употребляется в сербскохорв. языке. В лит. языке имеется окончание *-ur-* у отглагольных глаголов деминутивного значения (Leskien, op. cit. 450). Ср. сх. *мўшкара, жёнскара* и под. Можно предположить, что *-ура* находилось у других существительных, ср. р. *кожурá, печурá, снежура* и под. (op. cit. 240), сх. *жмўра, кджурица, пёчурка* и под. (Даничић, Основе 112, 301, 321).

Кроме этих образований можно отметить единичные примеры с различными окончаниями (ср. напр. в польском, чешск. оконч. *-izna*, в. слов. *-ej*, которое употребляется и у глаг. и прилагат. и существительных и т. д.), но они не имеют отношения к указанным окончаниям: все они или получили свои окончания от других существительных или глаголов или прилагательных.

5. Теперь возьмем вторую группу случаев: это, когда окончания прилагательных переносятся на существительные. Один из самых типичных случаев это окончания с согласной *-х-*: сюда относится окончание *-ъх*; *-ъхън* словен., чешск., сх.: *táľňъп, живахан, malechno*.

*ъх-ън : словен. *lákъđъп*

*ъх-онький : р. укр. белор. *велико́хонек*

*ъх-енький : р. укр. белор. *велико́шенек*

*ъх-ък : р. укр. *благóшко, чутні́сько*¹

На основании этих образований совершенно ясно, что первоначальное окончание везде было *-ъх*, ибо без этого глухая гласная не сохранилась бы, а потом уже прибавлены остальные окончания (большой частью также уменьшительные). Это окончание, не сохранившееся в простой форме, не находится и у существительных, но зато окончание *-ух*, представляющее только более сильную степень в сравнении с *-ъх* (первоначально: *-ÿs-*: *-ous-*) у существительных встречается. Главные его случаи применения следующие:

¹ Archiv XXVI 336.

-ух : ух-ный : польск. ч. белор. (*sichuchny, mladuchny, слабюхно*)
 ух-енький : польск. моравск. укр. белор. (*starusieński, rapišenko,*
солодюсінский, сухусенький)
 ух-ыи : словен. сх. (*blędušyn, мајушан*).
 ух-ык : чешск. (мор. словц.) (*mladušký*)
 уш-асш : словен. сх. (*bęlušast, бјелушасш*)
 уш-касш : сх. (*лѣлушкасш*)¹

И здесь у прилагательных нет простой формы, тогда как у существительных она находится в большом количестве. Так, -уха и -юха находим в русск. польск. чешск. (словен. и сх.): р. *клетуха* маленьк. *клеть*, п. *dziewucha* уменьш., ч. *děvucha* в презрит. смысле, слов. *fantúh* презрит., сх. *дчӯх* отчим.² Обыкновенно это окончание соединяется с другими окончаниями: *клетушка*, ч. *děvuška*, п. *skrzypuszkа*, уменьш. *skrzynia*, ч. *ženuška*, белор. *матухна* увелич. *мать*, п. *babichna* нур. *baba*; сюда относятся и существит. на-уша, -уш : р. *бабуша* уменьш., белор. *дурӯша* „дурочка“, ч. *dědouš* нур. словен. *staruša*.

Как видно из этого маленького обзора, простая форма окончания -ух- сохранилась тут и там у существительных, но у прилагательных сохранились только сложные формы. Это почти всегда так у этих образований: передавая существительным свое простое окончание, они его потом у самих себя усиливают прибавляя им другие окончания прилагательных, но затем передают их и в таком осложненном виде существительным.

Это окончание соответствует литовскому -usz-, которое произошло, вероятно, от и. е. -iaus- (окончания суперлативного).³

Что касается иных окончаний с согласной х (-ух-, -ых-, -ох-, -ах- и сложных с другими окончаниями), то их происхождение можно установить не только и не всегда от прилагательных, но и от существительных отглагольных (ср. *зазнаха, трусиха, выкидыш* и под.).

6. Отношение других окончаний прилагательных к существительным я покажу здесь в сокращенном виде.

а) У окончаний с согласной -т- имеем: у существительных оконч. 'ута: р. *малюта*, ср. прилаг. в р. п. ч. и отчасти в сх. белор. *ценютанький*, п. *talutki*, ч. *teplutka*, ср. сх. *Драгуш-ин* и под., ср. и окончание -ть = лит. -utis, которое имело уменьшительное значение (Leskien op. cit. 576).

¹ Arch. XXVI 337.

² Arch. XXIII 184—5.

³ Ср. литературу, приведенную у меня в Arch. XXVI 340.

б) В р. белор. укр. польск. чешск. сх. окончание ⁽¹⁾уля у существительных; у прилагательных в польск. (*bladziulki* очень бледный), в чешск. (*milulenkŷ*), сх. (*дугульаш*).

в) У существительных окончания: ч. *-ена*, сх. *-енац*, *-енце*, р. п. *-ѣнок*, *-енка*, *-ѣнка*, белор. п. ч. *-епка*, укр. п. *ейко*, р. *-ѣныш*, *-еня*, р. *-онька*, *-оня*; у прилагательных в р. п. укр. *-енький*, р. укр. *-онький* и под.

г) Наконец, окончание *-ькъ*. И тут имеется то же самое, что и у других суффиксов этого рода. Тогда как *-ькъ* как простое окончание часто употребляется у существительных, оно редко у прилагательных, и то обыкновенно в сложном виде, в каком оно и переносится на существительные. Как простое окончание у прилагательных его можно отметить в таких случаях как в словен. *člilčŷk det.*, сх. *убожак: ѹбог, малко* уменьш. и под. (Arch. XXIII 349). Наравне с окончанием *-ькъ* является и *-ькъ*, которое в литовском (*-ikas*) имело также уменьшительное значение. Это окончание дало в славянском праязыке *-ьць*, которое уже в нем имело уменьшительное значение. Налицо имеются и окончания типа ⁽¹⁾ак-, ⁽¹⁾ук-, но они употребляются и у отглагольных существительных, так что оттуда они могли быть перенесены на существительные суб. оценки. Точно также и относительно окончания *-ик*, которое сильно распространено в русск. языке, можно сказать, что оно по происхождению не относится к прилагательным. Оно употреблялось в праславянском языке для образования существительных от прилагательных (ср., напр., такие примеры в русском языке как *ноздреватик* — „ноздреватый камень“, *рыжик* — рыжий и под. (Грамматика русск. яз. А. Н. СССР I 238 и др.). Примеры с уменьшительным и др. значениями ср. в Archiv-e XXIII 156 и д. Я и думаю, что упомянутые образования, еще в праславянском языке, придавали этому суфф. значение эмоциональности, которое потом как уменьшительный суфф. распространялось в славянских языках.

7. Я не буду распространяться больше об этих образованиях. Я думаю, что ясно, что источники для образований субъективной оценки можно определить следующим образом. Прежде всего нужно указать, что окончания индивидуальной оценки у существительных всегда *вторичны*. Они представляют две большие группы: или эти образования получены благодаря перенесению с субстантивизированных прилагательных, уже имеющих эмоциональные значения, или они произошли благодаря окончаниям и их значениям, взятым от других существительных. От существительных, обозначающих ребенка, сына, дочь, молодых животных,

окончания с эмоциональным значением могли переноситься на другие существительные в значении уменьшительном или в каком-нибудь близком к этому значении. Но в особенности отглагольные образования, у которых легко получалось детерриоративное значение, при переносе своих окончаний на другие существительные, сочетаясь с их значением, давали различные оттенки значений субъективной оценки. Это же относится и к существительным, образованным от основ прилагательных. Такие образования могли передавать различные нюансы значений своих основ окончаниями, которые, с новыми оттенками качества, переносились на существительные.

Как из сказанного видно, мне хотелось только в самых общих чертах показать возможное происхождение образований индивидуальной оценки. Во всех таких случаях имелось перенесение готовых окончаний со значением индивидуальной оценки на предметные существительные, которые не меняли своего главного значения, а приобрели только модификацию этого значения в направлении полученных окончаний. Отсюда вытекает главная разница между этими существительными и всеми другими производными существительными, образованными всегда, как указано, при помощи детерминативной первой части и окончания.

Так как мною имелась в виду только общая природа этих образований, то может быть какое-нибудь образование, о котором тут была речь, можно истолковать и иначе. Но, по моему мнению, это толкование не может выйти из границ указанных двух групп источников этих образований. В этом главный вывод моих изложений в этой статье. Все остальное, о чем бы можно было еще говорить по поводу этих образований, является в данном случае второстепенным.

А. Белич

И з в о д

Писац утврђује разлику у образовању изведених именица уопште и именица субјективне оцене (деминутивних, амплификативних, пејоративних и сл.). Док је код првих именица први део (основа или корен) увек детерминативан (и као придевска, глаголска или чак и именичка основа), а други део наставак којим се обележава предметност, дотле је у именица субјективне оцене први део именица која ни у изведеној именици не губи

своје значење, а други део је деминутивни, амплификативни или сличан наставак. Тој разлици по саставу одговора и разлика по пореклу. Обичне изведене именице постају поименичавањем придевске, глаголске и именичке основе (са функцијом придева), док се именице субјективне оцене граде од готових именица које добијају емоционални наставак као готов од других именица у којима се он развио природним односом првог и другог дела. То могу бити именице, постале од придевске или глаголске основе, а могу бити и поименичени придеви или глаголи са емоционалним наставцима. Према томе, именице субјективне оцене постају од именица које од других добијају по аналогији већ готове наставке. Као тачну илустрацију овога процеса можемо навести наст. *-e* (= *ε*, *-a*) у српскохрватском језику који од именице типа *дѣтѧ* = „дете“ прелази и на животиње, напр. *јѣгње*, *прдсе* и сл., а затим и на ствари, *лѧнче*: *лѧнац* (мали лонац).

Због свога друкчијег порекла ове именице имају и друкчији састав и други начин образовања него све друге изведене именице (исп. *бѣлац*, *црѧац*, *хѣшац* и сл. према *бѣо*, *црѧ*, *хѣшнуши* и сл.).